

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

СОВЕРШЕННЫЙ О.В.

В статье обоснована необходимость определения сущности нации и национального по общесоциологическому критерию. Этническая самоидентификация носит во многом ситуативный характер и может быть обусловлена конкретными культурными реалиями. Человек невольно идентифицирует себя с тем народом, среди представителей которого он испытывает больший социально-психологический комфорт, приобретает более высокий этнический статус.

Ключевые слова: этнос, этническое поле, общность, конфликт.

УДК 334

Пример деформаций в истории нашей страны еще раз подтверждает необходимость определения сущности нации и национального по общесоциологическому критерию. А также показывает, что гармоничность развития интернациональной общности наиболее желательна для научно-технического прогресса, поскольку полностью автоматизированное производство может существовать только в такой социальной форме. Неадекватность некоторых процессов интернационализации в нашей стране выступает непосредственным тормозом экономического развития.

Таким образом, процесс социально-этнической стратификации общества непосредственно зависит от способа соединения человека с орудиями труда, т.е. от качественного уровня развития производительных сил. Нация не является «производной» от отношений собственности, распределения, социально-классовой структуры. Возникая параллельно и в тесной связи с этими компонентами в результате промышленной революции, она является специфической формой социально-этнической организации общества, соответствующей новому уровню развития производительных сил и месту человека в структуре производства.

Эмпирическое исследование всего разнообразия национального самосознания невозможно. Однако стратификационный подход позволяет рассмотреть изучаемый феномен под различными точками зрения: социальными, психологическими, культурными и политическими – так как именно на пересечении этих составляющих и формируется национальное самосознание. Но обобщение материалов такого исследования в терминах одной из данных дисциплин изменяет иерархичность ценностной структуры в пользу одного из предложенных подходов, что объективно препятствует концептуальному осмыслению феномена социального управления национальным конфликтом.

Вторым механизмом оформления этнического поля является идея общности происхождения и судьбы. Идея общности происхождения всех членов данного этноса – это, во-первых, социальный конструкт, который воспроизводится каждым поколением заново; во-вторых, – это инструмент социального конструирования этнического поля, его определения, его границы; в-третьих, став ядром исторической памяти народа, эта идея приобретает характер внешней по отношению к индивидам (надындивидуальной) структуры, вынуждая новые поколения воспроизводить свое этническое поле из уже имеющегося материала.

Идея общности происхождения – атрибут любого этнического поля, ядро его исторической памяти. При этом для конструирования этнического поля совершенно неважно, насколько эта идея исторически достоверна. Главное, чтобы члены этноса в своем большинстве разделяли веру в нее [1]. Она в равной мере может основываться и на мифах, и на тщательных научных изысканиях. С точки зрения конструирования этноса различия между разными путями прихода к идее не имеют никакого значения. Главное то, что она позволяет поддерживать в этническом поле атмосферу современной общности, групповое самосознание принадлежности к одному «мы».

Первоначально эта идея существует только в форме мифов, преданий. У многих народов мифология описывает происхождение этноса от одного предка. По мере развития цивилизации она получает научное обоснование: на ее проработку направляются этнография, этнология, археология, история. Очень часто эта идея обретает форму государственной идеологии.

Как в мифологической, так и в научной форме историческая память является инструментом социального конструирования этнического поля. Она носит избирательный характер и направлена на повышение статуса этноса посредством отбора его корней и их иерархического упорядочивания по мере значимости. Это не исключает в развитии исторической памяти тех или иных народов периодов самобичевания, самоуничужения, когда история переписывается в предельно критическом духе и в ней доминируют темные тона (так было в России сразу после Октябрьской революции и в период перестройки, в первые постсоветские годы, в Германии после Второй мировой войны и т.д.). Однако эти периоды обычно кратковременны и дают новый импульс позитивному конструированию исторической памяти (Россия второй половины 1990-х гг. дает яркий пример такого возврата к типичной позитивной ориентации исторической памяти). Важнейшим фактором конструирования исторической памяти является социально-политическое развитие настоящего, предъявляющее спрос на историческое обоснование современных идеологий. Государственная идеология превращает идею происхождения этноса в один из инструментов формирования патриотических чувств, что давит на науку в интерпретации фактов.

Структуралистско-конструктивистская парадигма исходит из того, что нация – это социальная конструкция, но она является результатом многовекового процесса социального конструирования, а нынешние элиты – это не творцы нации, а продолжатели этого процесса, их роль в нем не стоит переоценивать. Они могут подстегнуть массы националистическими лозунгами, сыграть на ее национальных чувствах, скорректировать ее деятельность по формированию или воспроизводству нации, но они не могут организовать это на пустом месте. Иначе говоря, элиты, опираясь на государство или другие организации, конструируют нацию, но для успеха этого процесса они нуждаются в уже возникших структурных предпосылках. Кроме того, нация как результат социального конструирования многих поколений людей сама является социальной структурой, игнорировать которую можно лишь на словах.

Историческая память нуждается в постоянном воспроизводстве. Каждое поколение пишет заново историю происхождения своего народа (конструирует ее), но в то же время оно связано накопленным материалом исторической памяти и не может действовать произвольно. Историческая память как внешняя по отношению к индивидам и группам структура навязывает направление и формы воспроизводства идеи общности происхождения.

Представления об общности происхождения часто выступают в качестве фильтра, позволяющего отсеивать «своих» от «чужих». У одних народов этот фильтр имеет весьма формальный характер и открывает дверь для ассимиляции если не всех желающих, то по крайней мере тех, кто в этом нуждается и подвергается реальной культурной ассимиляции. Здесь учет крови как маркера происхождения не играет особой роли. «Своим» можно стать в результате культурной ассимиляции. У других народов фильтры, контролирующие вхождение в этническое поле, носят жесткий характер и привязаны к контролю общности крови [2].

Идея общности происхождения является эффективным инструментом формирования не только атмосферы этнического поля, но и его границ. Историческая память акцентирует внимание на том, что «наше» происхождение отличается от «их» корней. «Мы» – это не «они» уже с древних времен. И чем сильнее нынешнее стремление размежеваться, тем активнее в прошлом поиски разных истоков. Так, современная украинская историография, работающая на потребность укрепления независимости постсоветской Украины, стремится развести русскую и украинскую историю уже на уровне их истоков и рассматривает Киевскую Русь как очаг именно украинского государства. Таким образом, историческая память используется как материал для укрепления современных границ этнических полей.

Из идеи общности происхождения вытекает идея общности судьбы (истории), ставшая составной частью большинства определений нации, этноса [3]. Если идея общности происхождения – это ядро исторической памяти народа, то описание войн и других форм конфликтных отношений с соседями – основное ее содержание. Мифы, легенды, исторические монографии и учебники фокусируют внимание прежде всего на конфликтах.

И это отнюдь не связано с тем, что войны играли ключевую роль в прогрессе или их изучение помогает понять настоящее. Войны играли в истории человечества мизерную роль по сравнению с наукой, техникой, художественным творчеством. Влияние войн былых столетий и даже десятилетий почти неуловимо в структуре современной жизни. Однако история войн, постоянно воспроизводимая в мифологических, научных и художественных формах, играет

огромную роль в конструировании границ этнических полей. И школьники из поколения в поколение изучают детали былых сражений.

Дело в том, что история конфликтов – это прекрасный материал для конструирования границ этнического поля и формирования атмосферы сплоченности, патриотизма, национализма. В этих войнах – источник вдохновения для последующих поколений: в одних случаях они стимулируют национальную гордость как строительный материал этнической границы («мы» победили «их» в таком-то году), в других – формируют отчуждение, недоверие, обиду («они» «нас» когда-то грабили и угнетали), что также работает на конструирование границ этнического поля.

Процесс конструирования этнических границ посредством формирования и воспроизводства исторической памяти совпадает с процессом конструирования этнокультурной иерархии: «они» – это те, кто морально, культурно, а порою и интеллектуально уступали «нам». Если «они» завоевывали «нас», это тормозило наше развитие, разрушало экономику и культуру, в то время как завоевание «нами» «их» земель толкало прогресс вперед, поскольку мы приносили туда что-то новое, открывали возможность формирования полезных связей и т.д.

В учебниках истории, исторических романах и фильмах красной нитью проходит простая объяснительная схема: если «мы» побеждали, то в результате морального, интеллектуального превосходства, героизма и т.д., а если проигрывали, то потому, что «нам» не хватало патронов, «нам» мешали плохая погода, климат, которые тоже работали на «них». Даже в современной чеченской войне (особенно первой) нередко слышались сетования на то, что у чеченцев хорошее оружие, выучка, полученная у иностранцев, знание местности, численное превосходство и т.д.

В целом можно утверждать, что выделение этнического поля и механизмов его конструирования является необходимым, но недостаточным условием построения социологической концепции нации и национального. Очевидно, что социология заинтересована в рассмотрении этноса именно как социального явления, поскольку нация – в большей степени социализированное и политизированное образование, чем этнос. Возможно, этот интерес может быть удовлетворен рассмотрением системы тех социальных компонентов, которые, собственно, и призваны превратить этнос в нацию.

Примечания:

1. «Этничность не связана с кровной или генной общностью, а опирается на миф и верование в общность своих начал» (Скворцов 1996: 57).
2. Ф. Барт в своей книге «Пуштунская идентичность и ее поддержание» противопоставляет системы белуджей, допускающих ассимиляцию, то есть прием в состав этой этнической общности выходцев из чужих племен, и пуштунов, отрицающих возможность ассимиляции (пуштуном можно только родиться) (Bart 1969).
3. О. Бауэр: «Нацию можно определить как общность характера, вырастающую на почве не однородности, а общности судьбы» (1909: 117).

Сведения об авторе:

Совершенный Олег Викторович, соискатель Северо-Кавказского социального института (г. Ставрополь).

OPTIMIZATION OF MANAGEMENT CONCEPT NATIONAL DEVELOPMENT

SOVERSHENNYI O.V.

The article demonstrates the need to determine nation and national essence from general sociological criteria. Ethnic self-identification usually has situational character and can be specified by cultural realities. Person unwittingly associates himself with the nation, the representatives of which make him feel social and psychological comfort and where he can acquire higher ethnical status.

Keywords: ethnic group, ethnic area, collectivity, conflict.

UDC 334